а). Россия уходит из Евразии?

Хотя китайские лидеры не говорят об
этом открыто, они нацелены на то, чтобы
в долгосрочной перспективе Китай сменил
Соединенные Штаты в качестве главной
региональной державы…[1]

А. Фридберг,
профессор, бывший сотрудник СНБ США

Реальность такова: декларируя свой приоритет в Евразии и АТР, Россия на практике недостаточно влияет на развитие ситуации в этих регионах. Ее экономические и военные возможности стагнируют, а восточные регионы теряют многие конкурентные преимущества. Это объективно снижает «вес» России в Евразии и АТР.

В Евразии развертывается очередной этап борьбы за господствующее влияние на континенте, где оба главных претендента – США и Китай – всеми силами стремятся увеличить свое влияние. Кроме политических инструментов, в этой борьбе все отчетливее выступают военно-силовые, которые пока что проявляются в стремительном наращивании военных потенциалов на сенверо-востоке Евразии и прибрежных морях.

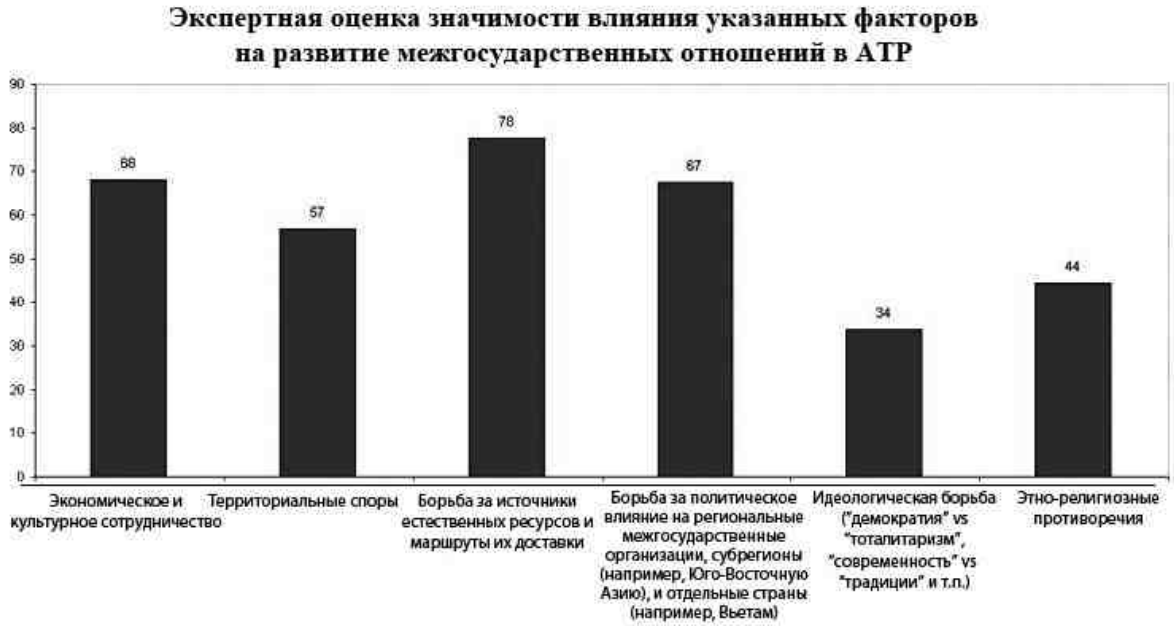
На фоне растущего соперничества двух сверхдержав все чаще говорят о переделе сфер влияния, когда правящие элиты Вашингтона и Пекина смогут договориться друг с другом о том, кто и какую часть континента будет контролировать.

В контексте этого вызова позиции России выглядят как недостаточно эшелонированные. Между тем история России, начиная с XII века, это история освоения Евразии. Сначала новгородцами, основавшими свои поселения в Югре и на севере Европы, походами Ермака в XVI веке и заканчивая первым российско-китайским договором 1689 года. Как пишет А. Неклесса, «Будучи более-менее осведомлены о европейских перипетиях русской истории, мы, пожалуй, более смутно представляем ее азиатскую драматургию, разыгранную в театре под открытым небом по ту сторону Рифейских гор...

[1] *Фридберг А.* Несговорчивый Пекин // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. Сентябрь–октябрь. С 148.

Обживалось Забайкалье – Чита, Верхнеудинск, знаменитый Албазин и Албазинское воеводство, Нерчинск, где в 1689 году был подписан первый российско-китайский договор, обосновавший продвижение вдоль притоков Амура и «Каменных гор», что, в свою очередь, привело в середине XIX века к новым разграничениям территорий с Китаем – заключению Айгунского и Пекинского договоров, имевших следствием колонизацию Уссурийского края – Приморья, были заложены Благовещенск (Усть-Зейский военный пост), Хабаровск и Владивосток»[1].

Если попытаться даже бегло посмотреть на то, какие факторы сегодня в наибольшей мере влияют на международные отношения и позицию нашей страны в Евразии и АТР, то мы увидим, что по всем основным направлениям позиции России в этой части планеты выглядят все менее убедительными. Так, по опросам экспертов РИСИ (которые, конечно, не являются в полной мере репрезентативными), ситуация выглядит следующим образом[2]:



Это происходит прежде всего из-за политической недооценки роли восточных регионов России, которая заменяется в очередной раз экономическим (в данном случае – регионально-экономическом)

[1] *Неклесса А.И.* Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.

[2] *Абаев Л.Ч., Терехов В.Ф.* Анализ результатов опросов участников конференции «Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества». В сб.: Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества. М.: РИСИ, 2011. С. 138.

подходом. Так, в проекте госпрограммы «Региональная политика и федеративные отношения», предложенной министром И. Слюняевым, четко прослеживается тезис о равноправном (т.е. неприоритетном) отношении к восточным регионам. В частности, в госпрограмме так и пишется: «Основная цель подготовленного документа, по словам И.Н. Слюняева, – формирование единых подходов при реализации региональной политики, укрепление финансовой самостоятельности и раскрытие инвестиционного потенциала субъектов Российской Федерации.

«Каждый регион имеет свою базу, свои точки роста. Наша задача – максимально использовать ресурсные особенности субъектов Федерации и создать условия для притока инвестиций и обеспечения высоких стандартов и качества жизни на всей территории Российской Федерации, – сказал, представляя программу, министр регионального развития.

Сегодня за субъектами Российской Федерации закреплено 189 базовых и переданных полномочий, большинство которых напрямую влияет на экономическое развитие и качество жизни людей. «Нам предстоит продолжить работу по совершенствованию нормативного, кадрового и финансового обеспечения переданных полномочий», – отметил министр, подчеркнув, что в рамках мероприятий госпрограммы будет осуществлен переход с 2014 года к предоставлению регионам единой субвенции, что даст больший маневр субъектам Федерации при распределении средств»[1].

Между тем требуется **политическое** решение о приоритетном развитии восточных регионов и о переносе центроэкономической активности за Урал. Очевидно, что принятые в последние годы госпрограммы развития Сибири и Дальнего Востока, «Саммита АТЭС» и т.д. – недостаточно эффективны. Нужны более масштабные, радикальные решения. Неизбежно вспоминается недавняя – история освоения Сибири, когда в 80-е годы XIX столетия туда ежегодно переселялось всего несколько тысяч человек, зато после создания Транссиба – 2 миллиона.

[1] Министр регионального развития Игорь Слюняев представил Правительству Российской Федерации проект государственной программы «Региональная политика и федеративные отношения» Эл. ресурс: «Минрегион». 2013. 18 февраля / – ttp://www.minregion.ru

Сегодня на территории Сибирского ФО проживает чуть больше 19,5 млн чел., а Дальневосточного – менее 6,5 млн чел., т.е. за Уралом на огромных площадях население составляет 26 млн чел. Причем продолжается тенденция к его сокращению. Чтобы блокировать эту тенденцию, наверное, можно по примеру других стран перенести столицу страны в Западную или даже Восточную Сибирь. Это означало бы не только переезд сотен тысяч чиновников, но и неизбежный перенос части финансово-экономической деятельности на восток. Но такой вариант пока остается гипотетическим.

Безопасность, суверенитет, экономическое развитие и само выживание нации будет зависеть от того, какое место займет Россия в Евразии. Прежде всего за счет своих восточных регионов. Если допустить, что она окажется слабой прослойкой между молотом (Евросоюзом) и наковальней (Китаем и другими быстро развивающимися азиатскими странами), то ее природные ресурсы, восточные территории, население окажутся сначала под влиянием, а потом и поделены меду сильными государствами, а транспортные артерии, коммуникации и коридоры быстро превратятся в транзитный проходной двор развитых государств. Причем эти коридоры будут выведены из-под российского суверенитета уже при жизни ближайших поколений.

Пока что, к сожалению, не учитываются многие факторы, которые уже в ближайшие годы могут стать критическими для политики России в АТР, и определяющими будущее место России в мире. Так, развертывание региональных систем ПРО США в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, планы строительства мощных ударных авианосных соединений Китаем, стремительно растущие военные расходы стран АТР и др.[1] вызовы, безусловно, должны учитываться при формировании перспективной политики России в АТР. В этом смысле развитие восточных регионов предполагает и развертывание там дополнительных средств ВКО. Собственно говоря, от этого во многом и будет зависеть сохранение российского суверенитета на восточном направлении мировой политики.

[1] *Скосырев В.* Стать сверхдержавой Китаю поможет «Варяг» // Независимая газета. 2012. 26 сентября. С. 8.

Уникальное место России и его привлекательность в Евразии определяется несколькими чертами, в частности:

– Россия – не просто страна, это страна-цивилизация. Таких государств в мире, за исключением Китая, Индии и Японии, больше нет. Ни в социокультурном, ни в историческом плане. Поэтому национальная и государственная идентичность неизбежно будет оставаться несмотря ни на влияние глобализации, ни на попытки либералов ее «либерализировать» и изменить традиционное лицо;

– Россия занимает уникальное место с географической точки зрения, являясь центром Евразии, соединяющим ее восточную, западную и южные окраины;

– Россия занимает исключительное место в мире по запасам минеральных и биологических ресурсов, а также территории и прилегающих морских акваторий;

– Россия – объединяет на своей открытой и недискриминационной культурно-духовной основе все основные мировые религии, конфессии при решающей роли православия, создающего удивительный, уникальный духовный космос, противостоящий агностицизму и современному секуляризму;

– Россия является уникальным информационно-коммуникационным и транспортным узлом мирового значения, роль которого стремительно увеличивается.

Пока что, говоря о евразийской интеграции, мы, как правило, имеем в виду экономическую и все еще ограниченную по масштабам интеграцию между Россией, Казахстаном и Белоруссией, хотя В. Путин в своей известной статье и отметил, что «мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»[1]. Да и само название статьи – «… проект для Евразии…» – вряд ли соответствует суженному – «техническому» пониманию идеи евразийской интеграции.

[1] *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

Между тем именно такое понимание евразийской идеи превалирует сегодня, что, по сути, лишает Россию будущего. Такая евразийская политика имеет весьма ограниченную перспективу, если вообще имеет, как показывает процесс российско-белорусской интеграции. Необходим более широкий, геополитический подход, принципиально иная пространственная концепция политической, экономической и военно-технической интеграции, от реализации которой зависит не только будущее страны, но и само существование России. И прежде всего её безопасность и суверенитет.

Надо отчетливо понимать, что наиболее опасная угроза для России исходит от возможности третьих стран доминировать в Евразии – в ее западной, восточной или южной части. И это отнюдь не гипотетические «геополитические рассуждения», а реальность, формирующаяся по многим аспектам уже сегодня. Так, создание региональных систем ПРО в Европе, на Среднем Востоке или Юго-Восточной Азии, вкупе с массовым развертыванием неядерных вооружений, способных выполнять стратегические функции, означает разрушение всей системы безопасности и в конечном счете потерю суверенитета.

Другая опасность – массовое производство в странах Евразии высокоточного оружия (ВТО), которое стало реальностью сегодняшнего дня. Как отмечает исследователь МГИМО(У) В. Каберник, «Как ядерное оружие, так и ВТО являются яркими примерами технологических инноваций в военно-технической сфере. Однако при рассмотрении тенденций развития конфликтов будущего важнее прогнозирование изменений не в технологии, а в методах ведения боевых действий, структурах управления и доктринах. Технологический аспект нельзя упускать из рассмотрения, но на современном уровне развития военной техники здесь вряд ли ожидаются революционные изменения. Поэтому в дальнейшем изучении технологического аспекта ведения вооруженных конфликтов будущего целесообразно вместо спекуляций на тему возможностей появления «фантастических» видов вооружений подробнее остановиться на прогнозировании уровня технической оснащенности армий, которые в этих конфликтах будут участвовать.

Согласно прогнозу отечественного исследователя В. Слипченко, к 2010 г. количество ВТО у ведущих стран достигнет 30–50 тыс. единиц, а

к 2020 г. – 70–90 тыс. Слипченко также утверждал, что создание такого арсенала обойдется во многие миллиарды долларов и выражал уверенность, что подобные запасы ВТО могут позволить себе лишь пять–шесть ведущих стран мира. Этот прогноз не оправдался. Количество производимого в 2011 г. ВТО превышает предсказанный Слипченко в 2002 г. рост как минимум в пять раз. Такие масштабы производства стали возможны благодаря радикальному его удешевлению, произошедшему в первом десятилетии XXI в.»[1].

Таким образом «уход» России из Евразии – это не частичная потеря международных позиций, а полная утрата статуса активного игрока на моровой арене.

[1] Метаморфозы мировой политики: коллективн. монография / под общ. ред М.М. Лебедевой. – М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 149.